

Шекспир хоть и философ, с.2.

но хулиганистый

Закулисье Тбилисского русского театра им. А. С. Грибоедова и в лучшие времена не отличалось особым уютом. Нынче и подавно - не до интерьеров, когда пять холодных месяцев театр практически не функционирует. Лифт привычно не работает, поднимаюсь на 6-й этаж. На верхотуре - знакомая дверь художественного руководителя. Последние 4 года здесь обитает известный грузинский режиссер и актер Гоги Кавтарадзе.

Мой главный интерес - его последние постановки вне Грузии, которые вряд ли удастся посмотреть.

- Казалось, совсем недавно вы еще возглавляли грузинский театр в Сухуми, а прошло уже четыре года. Вы ведь уехали оттуда до начала войны.

- Все, что произошло в Сухуми, для меня больно и непонятно. А когда я вижу кадры разрушенного кра-савца города, то не могу поверить, - какой-то мираж, сон...

10 лет жизни, крепко сколоченная труппа, отличные актеры, гастроли в Москве, Петербурге, в Прибалтике, Белоруссии, на Украине. А теперь эти артисты - беженцы.

- Вы всегда много кочевали из города в город. А я помню ваши сухумские премьеры - там соби-рался и весь Сухуми, и театраль-ный Тбилиси. Кажется, это ваш самый благополучный и плодотворный творческий период. А сейчас вас не впустят в Сухуми?

- Может, и впустят, только выпустят ли живым, не знаю. Для грузин это закрытая территория. Да и что я там увижу? Если уцелела квартира, то разграблена, и живут там "победители"...

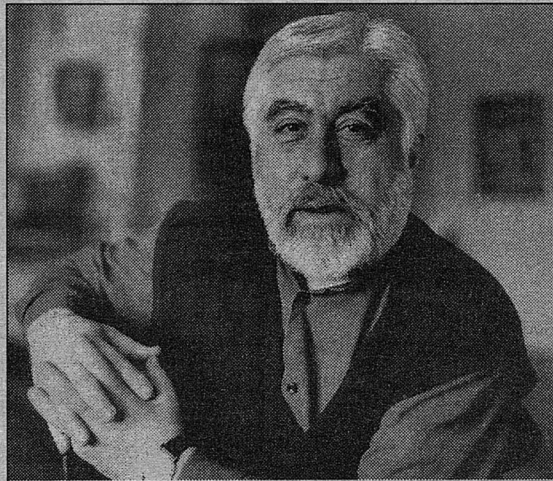
Наверное, человек сам создает судьбу, во всяком случае биографию. Мы подсознательно подчиняемся тому, что заложено в нас. Если бы я сопротивлялся этому, все сложилось бы иначе. Начало у меня было крайне благополучным: я учился у лучшего режиссера-педагога Михаила Ивановича Туманишвили. После

окончания работал в "императорском" театре на руставелевской сцене, в моем первом спектакле главную роль играл Серго Закариадзе. Так бы оно и катилось дальше. Но в 1969 г. Тактакишвили, наш министр культуры, говорит мне: "Освободилось место главного режиссера в Батуми. Ты бы не поехал?" Я спокойно мог остаться в театре Руставели, но нет: мы же по натуре скomorохи, площадные бродячие артисты. И началась моя кочевая жизнь. Работа в провинции дала мне колоссальную практику - и общения с труппой, и постановочную. У меня больше 70 спектаклей.

- И все-таки широкую популярность приносит не режиссура, а сыгранные роли, особенно в кино. Так и у вас. Как произошло это "раздвоение"?

- Актерство для меня вторично: чтобы поступить в институт на режиссуру, надо было иметь двухлетний "трудовой стаж" по будущей специальности. И после школы я пошел

работать в театр Марджанишвили, был там чем-то вроде помощника режиссера. В театре вечно что-то происходит: кто-то заболел, вовремя не пришел, за кого-то надо подчитать или подбросить реплику. Тогда и заметили меня. Я честно отработал два года и поступил на режиссерский. В то время Гига Лордкипанидзе ставил "Я вижу солнце", а в марджановской труппе не было артиста на роль мальчика. И он пригласил меня. Потом я играл в Театре имени Руставели у Робика Стурца - и тоже мальчика. А там пошло кино: началось все со "Свадьбы" Ми-

хаила Кобахидзе, потом снимался у Георгия Шенгелая, Георгия Данелия, Николая Губенко, Александра Прошкина, Александра Бланка...

- Вы испытываете тоску по прошлому?

- Нет, ностальгию, как и все прочие мысли и чувства о прошлом, лучше всего переплавлять в работу. Все, что думал о нас, соединенных в пространство большой страны, я

уместил в шекспировском "Лире", поставленном в Ростове. Спектакль назывался "Король Лир, или Всемирный театр дураков". Если бы был жив Шекспир, думаю, он бы и сам все переключил на современный лад. Это потомки сделали его "законсервированным классиком", а он ведь, хоть и философ, но хулиганистый.

Лир, в припадке всемогущества, решил провести эксперимент: разделить страну, отдав дочерям, и уйти от власти. Что из этого вышло, мы все хорошо знаем, и не только из пьесы. Вот эти прямые ассоциации с нашей жизнью позволили решить спектакль в остро театральной стилистике. Начинается он с оперы, звучит ария из "Турандот" - фразы, декольте, бриллианты - роскошь стабильной жизни. Там же ходят люди в серых костюмах с передатчиками. Гром аплодисментов в конце, но встает Лир, и гробовая тишина, он поздравляет певца - ты наша гордость, достоинство нации, - говорит очень тихо, с осознанием безраздельной власти.

Действие происходит неизвестно в какой стране, все в современных костюмах. Но потом, когда начина-

ется полный развал, раздел границ, таможни, междуусобицы и Лир сходит с ума, он появляется в традиционной короне и плаще, но это тоже носит оттенок явной театральности. Мне кажется очень точной находка-метафора художника Юрия Гегешидзе - антикварная стена с коллекцией старинного оружия - им и пользуются наши современники: надо ведь что-то взять из истории. Комплекс условностей и создал образ спектакля. И плюс раскованная, яркая манера актерской игры. Причем я не хотел ломать природу русских артистов и подстраивать под грузинскую резкость и темпераментность. Я искал адекватное скomorошество в природе русских. И в результате, как говорят, получился русско-грузинский синтез.

Сейчас я репетирую с ростовской труппой "Бесов". А в прошлом сезоне в Таганроге я поставил "Крестного отца"...

- А "Бесы" будут тоже из нашей жизни?

- Не думаю. Хотя бесовства вокруг больше, чем хотелось бы...

Вера ЦЕРТЕЛИ,
Тбилиси